

Е.М. Сергеев

Взгляд сквозь годы. Воспоминания

(Продолжение)

Евгений Михайлович СЕРГЕЕВ (1914–1997) —

крупнейший советский и российский ученый в области грунтоведения, инженерной геологии и охраны геологической среды, талантливый педагог Московского государственного университета, выдающийся организатор геологической науки, академик АН СССР и РАН, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

По инициативе Е.М. Сергеева в 1978 г. в издательстве «Наука» был открыт академический журнал «Инженерная геология» (сейчас существующий под названием «Геоэкология: инженерная геология, гидрогеология, геокриология»), главным редактором которого он являлся до 1987 г.

На страницах нашего журнала перепечатывается книга Е.М. Сергеева «Взгляд сквозь годы. Воспоминания», вышедшая в 2014 году в издательстве «ГЕОС» под редакцией В.И. Осипова (составители — О.Н. Еремина, Н.Е. Сергеева). Основой для нее послужили книги ученого «За строкой фронтового письма» (М.: Воениздат, 1985), «Московский университет: взгляд сквозь годы» (М.: Изд-во МГУ, 1992), а также его мемуары, не издававшиеся ранее. В публикации приводится правдивый рассказ о жизненном пути академика, неразрывно связанном с историей нашей страны.

Глава 14

Снова в дивизии. Между Осколом и Доном

Пока я был в Воронеже, многое на фронте изменилось. Наша 199-я стрелковая дивизия продолжала занимать оборонительные рубежи западнее Шевченково. Но уже не было безразмерной нейтральной полосы — она сократилась до минимума. Передний край обороны врага хорошо просматривался с наших позиций невооруженным глазом.

По данным разведки, противник создал здесь солидный оборонительный рубеж: сплошные проволочные заграждения в несколько рядов кольев, обширные противопехотные и противотанковые минные поля. Ночью передний край обороны почти непрерывно освещался ракетами. Все огневые точки соединились между собой ходами сообщения полного профиля.

У нас, как и раньше, передний край в инженерном отношении был оборудован слабее. Главное внимание обращалось на надежность огневых точек. В ночное время выдвигалось боевое охранение.

В частях за это время значительно возросло количество пулеметов, минометов, орудий, появились противотанковые ружья, которые я впервые увидел в одной из колонн, когда ехал на попутном грузовике по вновь проложенной грейдерной дороге в штаб дивизии. Тогда же встретилось необычное подразделение: воины-проводники вели на коротких

поводках крупных служебных собак, главным образом восточно-европейских овчарок.

— Истребители танков, — пояснил водитель. — Собаки-смертники. Когда я служил в пехоте, видел, как на них надевали жилеты, прикрепляли мины со штырями и пускали против танков. Жаль, конечно, этих красавиц — ведь у нас в деревне ни одной такой не было, только дворняги. Но что поделать, — вздохнул шофер, — война, она для всего живого — погибель.

На каждой собаке был надет жилет, из которого торчал штырь, напоминающий современную автомобильную антенну. Но, по-видимому, такой вид борьбы с танками себя не оправдал. Ни в печати, ни в устных сообщениях он не получил положительной оценки.

Обратил я внимание и на то, что с каждой ротой следовала медсестра с брезентовой сумкой с красным крестом. В минувшем году у нас в дивизии их почти не было. Да и вообще в 1942 году уже много девушек появилось в армии. Они служили в канцеляриях штабов, обслуживали связь, ими были укомплектованы посты воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС), некоторые подразделения ПВО; многие несли нелегкую службу в медсанбатах, госпиталях, «летучках» (так тогда называли санитарные поезда, эвакуировавшие раненых).

Но мне думается, что самыми героическими были те девушки, которые служили санинструкторами в стрелковых ротах и батальонах. Каким мужеством,

добротой, состраданием к людям должны были они обладать, чтобы под вражеским огнем выносить с поля боя раненых, делать им перевязки, поддерживать в трудную минуту ласковым словом! А какие нужно было иметь выдержку и достоинство, чтобы наряду с воинами-мужчинами в их среде стойко переносить все сложности фронтового солдатского быта! Для меня эти девушки всегда останутся героинями. (Я немного отвлекся от рассказа, но мне очень хотелось где-то об этом сказать.)

Итак, оснащенность материальной части наших наземных войск значительно выросла. Но в воздухе продолжал господствовать враг. Мы часто наблюдали воздушные бои, которые заканчивались гибелью наших самолетов. Причины были всякие: и численное превосходство в бою немецких самолетов, и их большие скорости, и порой большее мастерство немецких летчиков. С каким восторгом рукоплескали мы нашим летчикам, когда видели падающий и горящий «мессершмидт» или «юнкерс»! Несмотря на то что гитлеровцы тоже несли потери в воздушных боях, с каждым днем наших самолетов в воздухе становилось все меньше, а немецких все больше, и к моменту летнего наступления на нашем участке фронта враг уже полностью господствовал в воздухе. Такое положение сохранялось долго, до начала нашего наступления под Сталинградом.

Когда я прибыл в дивизию, летнее наступление немцев 1942 года уже началось. Войска Юго-Западного и Южного фронтов вели тяжелые оборонительные бои в районе барвенковского выступа. 23 мая войска немецкой армейской группы «Клейст», наступавшие из района Славянок, Краматорска, соединились южнее Балаклеи с частями 6-й немецкой армии, наносившей встречный удар с севера. В результате этого главные силы наших 6-й и 57-й армий, а также оперативная группа генерал-майора Л.В. Бобкина оказались в окружении и пробивались из него с большими трудностями.

Что и говорить, настроение в штабе дивизии, вызванное неудачным исходом столь обнадежившего вначале Харьковского сражения, было настороженным, ждали, что и на нашем участке фронта враг перейдет к активным действиям. Потому-то хотя и встретили меня сдержанно, но вот насчет заданий не поскупились – обеспечили уже привычной двойной нагрузкой. Из анализа обстановки здесь сложилось мнение, что, завершив боевые действия против окруженных 6-й и 57-й армий, враг предпримет наступление на восток, в полосе которого может оказаться и участок фронта, занимаемый нашей 38-й армией, и в частности 199-й стрелковой дивизией.

Естественно, надо было выяснить намерения противника, и командующий армией генерал К.С. Москаленко требовал во что бы то ни стало добыть «языка». Поскольку бывший начальник разведотделения (НО-2) штаба дивизии капитан Полевой с этой задачей не справился, он был снят с должности и отчислен из соединения, а исполнять по совместительству его обязанности приказали мне. Словом, повторилось положение, знакомое мне по службе в 617-м стрелковом полку, когда я числился ПНШ-1, а

занимался больше разведкой. Только вот ответственности прибавилось, о чем постоянно напоминала судьба моего предшественника.

Времени на раскачку мне никто не выделил, поэтому пришлось сразу же с головой уйти в работу: подробно изучить наш участок фронта на карте, просмотреть полученные ранее разведанные о противнике, побывать на наблюдательных пунктах командира дивизии и командиров полков, полежать там по нескольку часов с биноклем, изучая все, что можно было увидеть, и главным образом передний край вражеской обороны. Не один раз выезжал на наш передний край, посетив в первую очередь бывший свой полк. Там полночи провел в боевом охранении так близко от врага, что отчетливо слышал доносившиеся из его окопов отдельные фразы, негромкое покашливание.

Из выездов на передовую у меня сложилось впечатление, что особенно обостренной бдительности противник не проявляет и, если соблюдать все правила маскировки, а главное, не шуметь, то к вражескому переднему краю можно подойти достаточно близко.

6 июня 1942 года я писал жене, пометив на открытке – «час ночи»: «Прошла неделя, как я снова на фронте. Живу хорошо, часто бываю на свежем воздухе. К новой работе стал привыкать, хотя она более кропотливая, чем прежняя: массу времени отнимает различная срочная писанина. Так что спать особенно не приходится.

Погода стоит хорошая: солнечно, жарко, отцвели уже все фруктовые деревья. Кругом бегают цыплята, гусята – и вся эта мирная картина как-то не сочетается с тем, что в пяти-шести километрах отсюда проходят немецкие окопы, стоят нацеленные на нас орудия, готовые в любую секунду открыть огонь».

Противника на местности я мог изучать сколько угодно, но никто не освобождал меня от составления текущих сводок, донесений и многих других необходимых документов. И если, скажем, ночь я провел на передовой или день на наблюдательном пункте, то на оформление документов мог тратить лишь оставшееся время, урезая нередко скудные часы, отведенные на отдых. Словом, выспаться, даже в период затишья, мне не удалось. А тишина стояла грозная – тишина перед бурей.

В один из тех дней к нам в штаб дивизии приехал командующий 38-й армией генерал К.С. Москаленко. Переговорив с командиром, он пригласил на совещание руководящий состав соединения, в том числе и меня. Я уже много хорошего слышал о нашем командаре, но увидел его впервые. Генерал был худощав, подвижен, энергичен. Выглядел он очень усталым. Я невольно подумал: наверное, нелегко быть командующим армией.

Командующий прибыл к нам по той же грейдерной дороге, по которой добирался сюда и я. А эта, по понятиям того времени, магистраль содержалась в образцовом состоянии. Поскольку было уже известно, что противник наступает преимущественно по дорогам и вблизи от них, генерал в ходе поездки к нам сделал соответствующий вывод, который изложил примерно так:

– Очень хорошо, что эту дорогу оседлала ваша 199-я стрелковая дивизия, которая имеет большой боевой опыт. Я хотел было передвинуть ее севернее, полагая, что главный удар противник будет наносить вдоль железной дороги. Но теперь думаю, что наступление вдоль этой дороги покажется ему не менее заманчивым. Во всяком случае, он может попытаться прорвать оборону и на этом участке. Поэтому необходимо уплотнить боевые порядки дивизии, выделить дополнительные средства усиления. Я придам вам, товарищ Иванов, дивизион противотанковых пушек, а во втором эшелоне дивизии сосредоточим танковую бригаду.

Вскоре после отъезда генерала Москаленко мы получили из армии приказ, из которого следовало, что наступление врага ожидается в ближайшие дни и в связи с этим дивизия должна находиться в состоянии готовности к отражению удара. Чтобы отдать необходимые распоряжения, командир дивизии зашел в дом, где располагалось оперативное отделение штаба, и обратил внимание на стоявший в помещении тяжелый запах.

– В чем дело? – недоуменно обратился он к находившимся в комнате. – Как вы работаете в такой атмосфере?

Весной 1942 года хозяев уже обязательно выселяли из помещений, занимаемых штабами воинских частей и подразделений. Но здесь от хозяйки в наследство оперативному отделению все же осталась гусыня, сидевшая на яйцах в большом решете, стоявшем в прихожей. Хозяйка слезно просила не трогать птицу, иначе та бросит насиженные яйца и семье придется голодать. Скрепя сердце разрешили ей раз в день приходиться, чтобы напоить и накормить гусыню, и очень скоро в этом раскаялись. Ну кто бы мог подумать, что от одной птицы может так отвратительно пахнуть? К тому же люди обычно привыкают к постоянному запаху, перестают обращать на него внимание, а тут что ни день, то хуже. И когда в дом зашел комдив, дышать уже действительно было нечем. Поэтому полковник с полным основанием учинил разнос:

– Безобразие, вонь какую развели. Наведите порядок, уберите помещение! К черту всяких гусынь! Чтобы через пять минут духа ее здесь не было!

И ушел. Сотрудники оперативного отделения с нескрываемым удовольствием бросились выполнять приказание, начав с того, что выволокли злополучное решето вместе с гусыней за дверь. И вдруг на том месте, где стояло решето, увидели лаз с лестницей, уходившей в глубокий темный подвал. В нос ударило нестерпимое зловоние.

Один из красноармейцев полез было с фонариком вниз, но тут же выскочил обратно:

– Там мертвец лежит!

Вызвали начальника особого отдела дивизии. Привели хозяйку дома. Та запрочитала:

– Ой, господи, да це ж мий чоловік вмер!

Постепенно все выяснилось. Хозяин дома, в котором расположилось оперативное отделение, уклонился от призыва в Красную Армию и отсиживался в заранее подготовленном убежище. Под домом был выкопан глубокий подвал, в котором умещались

кровать, стол, табуретка, параша. На столе стоял чайник с водой, в миске лежали хлеб и сало.

Врач констатировал смерть от угара. Тогда только вспомнили, что несколько дней назад писари штаба сжигали в печи ненужные бумаги, а заодно какие-то доски и рано закрыли выюшку. Их еще отругали тогда за то, что напустили угару. Комнату, конечно, проветрили, а вот в подвале вентиляцию дезертир не предусмотрел, чем и подписал сам себе справедливый приговор.

Жена, приходя кормить гусыню, передавала мужу питье и еду, получая от него ободряющие записки. Когда все это выяснилось, я подумал: сколько же жизнь должна учить людей, чтобы минувшие уроки пошли впрок? Ведь чуть ли не каждый день мы твердили о бдительности, не раз обжигались на благодушие и вот опять просмотрели самую элементарную ситуацию. Не знаю, что уж там высидела гусыня, но запомнилась она надолго.

В ночь на 7 июня никто в штабе дивизии не спал. Из штаба 38-й армии поступил приказ: в связи с готовящимся наступлением фашистов утром 7 июня, в 4 часа, открыть огонь по позициям противника. В точно назначенное время заговорили все орудия и минометы. Били и по переднему краю, и по тактической глубине вражеской обороны. Огонь продолжался минут тридцать. Потом все стихло. Враг не отвечал.

8 и 9 июня все повторилось. Мы уже стали привыкать, что наш «рабочий» день начинается в 4 часа с артобработки вражеских позиций. Но 10 июня я, кажется, едва успев заснуть, проснулся от артиллерийской канонады – фашисты на 30 минут раньше нас обрушили огонь на наши огневые точки и передний край обороны. Мы выскочили на улицу.

На востоке еще едва брезжил рассвет, небо пока оставалось темным, но оно в буквальном смысле гудело: над головой шли колонны вражеских самолетов. А через десять–пятнадцать минут, когда я добрался до НП дивизии, их можно было уже и разглядеть – бомбардировщики выходили на боевой курс к нашим позициям.

Бомбежка не заставила себя ждать, да такая, какой ни я, ни многие из моих сослуживцев ни разу еще не видели. Отбомбившиеся самолеты сразу уступали место другим. Над передним краем нашего соседа справа, перекрывавшего железную дорогу, стоял неумолчный гул взрывов; было отчетливо видно, как вздыбливалась земля. Значит, главный удар враг все же наносил вдоль железной дороги, по недавно прибившей на этот участок стрелковой дивизии.

Глядя со стороны на эту вакханалию огня, я достаточно четко представил, как невероятно трудно нашему соседу, оборону которого методично перепыхивали сотни бомб, не оставляя, кажется, нетронутым ни одного квадратного метра земли. Уцелеет ли хоть кто-нибудь на этой искромсанной территории и когда нам самим ждать подобной обработки?

А на участке нашей дивизии гремели лишь орудийные залпы – дивизионная артиллерия оказывала посильную помощь соседу, обстреливая расположенные перед ним вражеские позиции.

Немцы наступали на узком участке фронта. После

массированного налета бомбардировщиков на поле боя выползла целая армада танков. Вот уже пора открывать по ним огонь, но артиллерия соседа молчит, – видимо, жестоко пострадала от бомбежки, а заградительный огонь наших орудий с дальней дистанции недостаточно эффективен. Танки, не снижая скорости, без помех преодолели передний край обороны соседа. И вдруг, вместо того чтобы двигаться, как можно было ожидать, по прямой на Купянск, повернули на северо-восток и быстро скрылись из глаз. Какой замысел таился за этим маневром, сказать было трудно.

Между тем на поле боя появилась и вражеская пехота. Казалось, что, после того как бомбы стерли все с лица земли, а потом танки проутюжили позиции, опасаться ей было уже нечего. В бинокль я хорошо видел, как фашистские цепи шли в полный рост. Не столь, правда, парадно, как кашпелевцы в кинофильме «Чапаев», но тоже организовали нечто вроде психической атаки. Солдаты двигались в разомкнутых цепях, что-то горланя и пуская автоматные очереди в сторону безмолвствовавших окопов. Невольно подумалось: «Сами себя подбадривают!»

Цепи чуть ли не вплотную приблизились к переднему краю обороны соседа. И тут произошло чудо – другое слово подобрать трудно. Заговорили пулеметы. Сразу несколько! После всего, что здесь произошло, почти невозможно было поверить, что противник встретит отпор. Но оказалось, что наши бойцы мужественно выдержали испытание огнем, выстояли, и теперь все, кто остался жив, взялись за винтовки, нажали гашетки пулеметов. Оборона жила, действовала!

По приказу комдива наша артиллерия немедленно усилила огонь. Теперь, когда вражеская пехота оказалась в пределах досягаемости орудий всех калибров, осколочные снаряды наносили противнику серьезный урон. Все больше и больше падало темно-зеленых фигурок и от пулеметного огня, и от разрывов снарядов. Стройные цепи врага превратились в разорванные звенья. Вот солдаты противника залегли, вот уже преследуемые огнем из всех видов оружия побежали назад – сначала отдельные пехотинцы, а потом и целые группы. Атака была отбита.

С разрешения комдива я приказал командиру разведроты немедленно направить разведчиков на недавнее поле боя с задачей изъять у убитых фашистов документы, а если удастся подобрать раненого, то привести или принести его в штаб. Этот приказ был выполнен. В наши руки попало много документов, а главное, был доставлен немецкий ефрейтор, правда, едва державшийся на ногах. На мой вопрос: «Куда ранен?» – разведчики рассмеялись:

– Да он целехонек, товарищ старший лейтенант, только, наверное, тройную норму шнапса хватил. Они же наступали все выпивши. А этот так набрался, что мы от перегара сами окосели, пока его сюда волокли. Прикажите, пожалуйста, выдать нам по чарке для опохмелки.

Ну что ж, разведчики заслужили поощрения, и не только просимого: добыли кучу документов, а в придачу к ним еще и «языка», выполнив тем самым

требование командующего армией. И хоть на первый взгляд невелика птица ефрейтор, но иногда и нижние чины давали весьма ценные показания, особенно в то время, когда перед наступлением немцам на передовой зачитывали приказы даже «самого фюрера», в которых сообщалось о целях операции и многом другом...

Гитлеровцы не смирились с неудачей. Вновь в небе появилась фашистская авиация, заговорила артиллерия. Теперь интенсивно бомбили и обстреливали боевые порядки и нашей дивизии. Причем вражеские бомбы и снаряды рвались не только на передовой, но и в расположении штаба.

Несмотря на отчаянную нехватку времени, я все же ухитрился в те дни написать письмо жене, в котором изложил события следующим образом:

«Обстановка вокруг резко изменилась. Начались сильные бои. Немцы на нашем участке пробуют продвинуться вперед, бросают все, что у них есть: людей, танки, авиацию, но получают достойный отпор. Не скрою, я горжусь тем, что снова на фронте, рядом с нашими героическими воинами. Если бы ты могла видеть, как мужественно они сражаются с вооруженными до зубов фашистами!.. За меня особенно не волнуйся – я сейчас подвергаюсь сравнительно небольшой опасности. Надоедают только «божьи птички», черт бы их побрал! Для них что окоп, что деревня – все стирают с лица земли. Но сегодня и мы немного отвели душу – сбили “Хейнкель-111”, да еще и новенький, 1942 года рождения. Недолго он поразбойничал».

С «хейнкелем» же произошло вот что. Неподалеку от штаба дивизии располагалась батарея зенитных пушек. Командиру батареи было приказано ни при каких обстоятельствах огня не открывать, чтобы не демаскировать штаб. Мне это, откровенно говоря, было не совсем понятно – зачем же тогда здесь находится нестреляющая батарея?

И вот 12 июня командир батареи не выдержал. Я как раз в это время был рядом со штабом дивизии и видел все события от начала до конца.

«Хейнкель-111» возвращался на малой высоте с востока в расположение своих войск и, похоже, вел визуальную разведку, хотя для таких целей противник чаще использовал более скоростной и обладавший большим радиусом действия «Юнкерс-88» или специально предназначенный для воздушной разведки «Фокке-Вульф-189» – пресловутую «раму».

Как бы там ни было, но, когда «хейнкель» приблизился к нашей зенитной батарее, грянул дружный залп. Самолет сразу густо задымил, задрал нос, свалился на крыло, врезался в землю и взорвался. Сгоряча комдив обрушил гром и молнии на голову лейтенанта, осмелившегося нарушить его приказ, но быстро отошел: что ни говори, не так уж часто удавалось увидеть такую снайперскую стрельбу, да и упусти мы этого стервятника, сколько он смог бы натворить еще бед! Кроме того, командиру и комиссару дивизии доложили, что самолет взорвался на ничейной земле и что вряд ли летчики успели что-либо сообщить о причинах своей гибели. Словом, командир батареи отделался легким испугом, а вот

разведотделение разжилось кое-какими интересными документами, особенно полетной картой, являвшейся всегда весьма желанным трофеем.

Несколько суток вражеская пехота, поддерживаемая танками и авиацией, настойчиво штурмовала позиции нашей и соседней дивизий, но, не добившись успеха, на какое-то время прекратила атаки. К сожалению, так было не везде: вскоре мы узнали, что участвуем в отражении войсками Юго-Западного фронта наступления 6-й и 1-й танковой армий противника на волчанском и купянском направлениях. Две мощные ударные группировки немецко-фашистских войск, действовавшие из районов западнее Волчанска и восточнее Чугуева, имевшие значительное превосходство в авиации и танках, на некоторых участках фронта вынудили наши части и соединения отходить на восток.

Наступившее было на нашем участке некоторое затишье не давало ни малейшего повода для успокоения и совсем не означало, что враг, сосредоточив все внимание на направлении главного удара, не попытается прорваться в других местах, к чему он всегда стремился раньше. Так оно и вышло: 22 июня, в годовщину начала Великой Отечественной войны, словно бы по старому сценарию, повторилось то, что мы пережили 10 июня, – бомбежка, артобстрел, атаки танков и пехоты. Но теперь противник действовал еще настойчивее, ожесточеннее, не считаясь с потерями. Наши воины наносили врагу немалый урон, одну за другой отбивали яростные атаки фашистов, но и сами несли потери.

На исходе 22 июня к полковнику Иванову прибыл совершенно измученный командир от соседа справа и доложил, что в их соединении осталось очень мало бойцов и вряд ли они смогут продержаться еще один день, если не получат основательного подкрепления. Надо полагать, что у армии не оказалось свободных резервов, ибо 23 июня соседняя дивизия, воины которой проявляли до этого исключительную стойкость, начала отходить. Гитлеровцы организовали преследование, продвинулись на восток на несколько километров и могли бы оказаться в тылу нашей дивизии, но на этот раз мы своевременно получили приказ из штаба армии об отводе частей за реку Оскол.

Несмотря на активные действия вражеской авиации, бомбившей и обстреливавшей наши колонны, отход дивизия провела организованно, с минимальными потерями. Мой родной 617-й стрелковый полк, надежно обеспечив прикрытие, позволил остальным частям оторваться от противника. И 25 июня дивизия заняла оборону на восточном берегу реки Оскол. Здесь у меня появилась возможность отправить письма родным.

«Я жив и здоров, как и большинство моих товарищей. Очень беспокоился о Сироткине, выполнявшем очень трудное боевое задание, но у него, как выяснилось, тоже теперь все в порядке. Более того, пришло известие о присвоении ему звания майора».

Используя полученный опыт, особенно последних боев, уже к концу июня дивизия создала прочную оборону и продолжала ее совершенствовать. Отделявшая нас от противника водная преграда – река

Оскол позволяла чувствовать себя несколько увереннее, но и она не гарантировала от новых ударов врага. К тому же и невооруженным глазом можно было увидеть на том берегу бесконечный поток немецких танков и автомашин, двигавшихся с севера на юг. Куда и с какой целью осуществлялась эта переброска войск, каковы их структура, численность, настроение, узнать было просто необходимо. Поэтому после тщательной подготовки разведчики провели смелый ночной рейд на другой берег реки и захватили вражеского солдата, румына. «Язык» попался достаточно осведомленный и, когда уяснил, что мы пленных не расстреливаем, а значит, война для него уже благополучно закончилась, охотно рассказал, что мы наблюдаем переброску соединений немецкой 1-й танковой армии в Донбасс; назвал даже запомнившиеся ему номера нескольких частей. Мне показалось, что немецкие военные секреты румынский солдат раскрывал чуть ли не с удовольствием, старался припомнить побольше подробностей. Как видно, союзники фашистской Германии не слишком рвались проливать кровь за бесноватого фюрера, а при случае не прочь были и навредить своему старшему партнеру.

Пленного отправили в штаб армии, мы же продолжали внимательно следить за тем, что происходило в расположении противника. Пока там ничего непосредственно нам угрожавшего вроде бы не отмечалось; это позволило бойцам и командирам немного отдохнуть, привести себя в порядок, конечно, в свободное от подготовки оборонительного рубежа время. Я не упустил и возможности написать письма родным.

Перечитывая их сейчас, вновь окунаюсь в атмосферу подъема боевого духа, растущей уверенности в наших силах и возможностях, характерных в то время для бойцов, командиров и политработников дивизии. Враг еще был силен, мы пока отступали, но были уже лучше, чем совсем недавно, вооружены, стали грамотнее, эффективнее воевать, еще больше убедились, что можем успешно бить фашистов.

Из письма жене: «Можно только гордиться тем, какие замечательные у нас бойцы. Не подумай, что это дежурный ура-патриотизм, который обязывает безоговорочно восхвалять все свое и ругать чужое. Нет, это твердое убеждение, еще более окрепшее под влиянием пережитого в минувшее время».

Выдержали мы массированные бомбежки и артобстрелы, выстояли против бешеных атак. Никто не дрогнул, не пал духом. И отошли на другой рубеж только по приказу командования. На переходе за нами охотились «мессеры» – носились как сумасшедшие и строчили из пулеметов. Но на этот раз они не ушли от расплаты: появились наши соколы, в воздушном бою один «мессер» кувыркнулся и полетел вниз. Летчик выпрыгнул с парашютом и попал прямо к нам. Он стоял передо мной – «чистокровный ариец», по определению Гитлера, «сероглазая, белокурая бестия». У «бестии» был крайне растерянный вид. Еще недавно он атаковал не только наших бойцов, но и женщин и детей и, наверное, считал себя сверхчеловеком, хладнокровно расстреливая безоружных. Теперь же лепетал, что он воевать не хотел, только

выполнял приказы. По-новому запели эти вчерашние «покорители мира», когда начали получать по зубам.

А у меня мечта: после окончания войны взять дочурку и проехать с ней по тем местам, где приходилось и придется еще воевать, рассказать ей о том, как здесь все было. Пусть она увидит, как пострадала наша прекрасная страна под натиском фашизма, пусть на всю жизнь возненавидит фашизм и обретет еще большую любовь к своей Родине, к нашей Советской власти».

Как видно по тону письма, чувствовали мы себя спокойно, уверенно, хотя никто и не питал иллюзий, будто все испытания, или хотя бы самые серьезные, уже позади. Пока радовались даже маленьким успехам, тому, что в каждом бою всеми имевшимися у нас средствами наносили гитлеровцам максимально возможный урон. И, даже отходя под давлением грубой силы, временного превосходства вермахта в боевой технике, мы верили, что наши долгожданные большие победы не за горами.

Вернемся, однако, к рассказу о дальнейших событиях.

Я уже писал, что передышка позволила нам оборудовать добротные позиции. Особое значение имело то обстоятельство, что достаточно глубокая в этом месте река Оскол была серьезной преградой для вражеских танков. Здесь можно было бы дать фашистам бой. Но так уж сложилась обстановка на фронте, что дивизия, подчиняясь приказу, скрытно оставила подготовленный рубеж и начала отходить на восток.

Конечно, обидно было покидать позиции, дающие тактическое преимущество над противником, позволявшие остановить и обескровить превосходившего по численности и техническому оснащению врага. Ведь далеко не всегда нам доводилось сдерживать гитлеровцев в более или менее выгодных для нас условиях. К тому же каждая оборудованная своими руками позиция становилась для бойца и крепостью, и вторым домом, в создание которых он вкладывал огромный труд и которые готов был защищать до предела, а иногда и выше предела человеческих возможностей. Оставив в неравном бою один рубеж, начинали строить другой, торопливо долбили сцементированную морозом или иссушенную зноем землю, с каждым днем, с каждым часом углубляясь в нее, готовя к бою и обживая свои стрелковые ячейки. И вот все это снова пришлось оставлять и начинать все сначала...

В середине июля части дивизии остановились и начали закрепляться западнее станции Чертково, расположенной на участке железной дороги между Кантемировкой и Миллерово. Здесь мы узнали, какой страшной силы удары нанес противник в конце июня – начале июля на южном крыле советско-германского фронта, какую большую территорию пришлось оставить нашим войскам, чтобы избежать окружения армий Юго-Западного и Южного фронтов.

Штаб дивизии решено было разместить в хуторе Горобцы, восточнее станции и поселка Чертково. Выбирать подходящее помещение выехал начальник оперативного отделения дивизии майор Духов. Он взял с собой и меня. Прибыли в хутор благополучно,

присмотрели просторный дом, поставили около него часового. Духов приказал мне поехать встретить командира и комиссара дивизии, которые должны были находиться в расположении одного из полков. Я отправился в путь, усадив в кузов грузовика бойца, получившего указание бдительно наблюдать за воздухом, ибо вражеские самолеты продолжали активно прочесывать дороги, причем кроме «мессеров» появились уже и небольшие группы «юнкеров», выскивавшие для себя цели.

Не зная точно, в каком полку находились командир и комиссар дивизии, я остановил машину у перекрестка дорог, который нельзя было миновать, направляясь в Чертково из любого полка, присел на обочину дороги и стал ждать. Мимо небольшими группами проходили бойцы, изредка, поднимая густые клубы пыли, проезжали автомашины. А вот на одной из дорог появился комфортабельный, но мало пригодный для фронтовых дорог ЗИС-101. Я поднял руку. Лимузин остановился, и из него действительно вышли полковник Иванов и полковой комиссар Басин. Комдив выслушал доклад и приказал:

– Поезжайте вперед, будете показывать дорогу!

Поехали. Я время от времени приоткрывал дверцу кабины и проверял, следует ли за нами ЗИС-101. Все было в порядке. Вскоре мы нагнали комендантскую роту. Пока я объяснял ее командиру, как найти в Горобцах выбранный для штаба дом, ЗИС проскочил вперед и притормозил около группы бойцов, отдохнувших в тени деревьев на окраине Чертково. Никто из машины не выходил, и я решил, что комдив ждет, когда мы тронемся, чтобы и дальше следовать за нами. Стекла дверок лимузина были опущены, поэтому, проезжая мимо, я высунулся из кабины и крикнул:

– Товарищ полковник, надо ехать прямо по этой улице! – И мы направились к железнодорожному переезду.

А через несколько минут, оглянувшись, я обнаружил, что машина сзади не идет. Попросил шофера поддать газку и, не доезжая до железной дороги, свернуть направо. Промчались, как говорят моряки, галсами по параллельным улицам – нет ЗИСа, словно в воду канул. Надо принимать какое-то другое решение. Наиболее вероятно, что комдив, в то время как мы осматривали улицы поселка, уже самостоятельно проехал в Горобцы, тем более что дорогу туда знал командир комендантской роты, мог подсказать. Значит, еду в Горобцы!

За железнодорожным переездом вдоль большака стояли вразброс несколько маленьких домиков. Они казались пустыми. Вдруг из палисадника одного из них выбежала девочка лет десяти–двенадцати и, когда машина поравнялась с ней, закричала:

– Дяденьки, стойте! Дяденьки, стойте!

Остановились. Запыхавшаяся девочка торопливо выпалила:

– Дяденьки, в Горобцах немцы! Жители оттуда прибежали! Девочка отошла, остановилась, глядя испуганными глазами. И тут в центре Горобцов взметнулся сноп пламени, повалил густой черный дым; через секунду-другую до нас докатился гул взрыва. Это меняло положение. Похоже, что бежавшие из хутора

жители не ошиблись. А тут еще со стороны Горобцов послышался рокот моторов, лязг гусениц. Танки?

Да, они самые, выползали на большак. Ветер дул от них в нашу сторону, и за пеленой пыли ничего не было видно. Но вот – поворот дороги, и в каких-нибудь двухстах метрах от нас появился головной танк с черным крестом на башне, за ним – другие такие же. Наблюдать, считать уже некогда. Командую шоферу:

– Разворачивай машину!

Полуторка развернулась и на виду у вражеских танкистов поползла на пригорок. Выстрел! Снаряд разорвался спереди справа. Второй попал прямо в дорогу, метрах в сорока впереди. Третий уже наверняка будет наш! Но тут я заметил слева ничем не огороженный промежуток между домиками у дороги, показал шоферу: «Быстро туда!» Машина резко вильнула в сторону, проскочила через довольно узкий коридор и выкатилась на ровное поле. Где-то сзади послышался запоздалый, не страшный теперь разрыв. Спасибо тебе, неизвестная девочка!

Вдоль тыльной стороны домиков пролежала запущенная дорожка. По ней доехали до железнодорожного переезда, перебрались через полотно и остановились примерно в километре от окраины Чертково. Я вышел из машины, осмотрелся, прислушался. Из поселка доносились выстрелы танковых орудий.

А что теперь надлежало делать мне? На этот вопрос можно было дать только один ответ: как можно скорее добираться до полков и предупредить их командиров о том, что в наш тыл вышли вражеские танки. Поехал вдоль железнодорожной насыпи в сторону Чертково.

Увидев скакавшего навстречу кавалериста, я вышел на дорогу, поднял руку. Всадником оказался незнакомый лейтенант с биноклем на груди. Едва осадив лошадь, он закричал:

– Куда вы? Скорее разворачивайтесь обратно – немцы заняли Чертково!

– Знаем, а сам откуда?

Лейтенант назвал неизвестный мне номер артиллерийского полка, сказал, что приказано отступить. Ну, у него свои начальники, свои приказы. А вот как бы мне сейчас пригодился бинокль.

– Слушай, друг, – говорю я. – Ты в тыл скачешь, а мне, наоборот, к Чертково нужно. Одолжи бинокль.

– Ну ты даешь, старшой! Как это можно одолжить бинокль? Ищи его потом!

– На войне и не такое можно. Знаешь небось, что все лучшее отдают тем, кто идет в бой, а не в другую сторону. Мы ведь сослепу можем и на немцев напороться. Ну, так как же?

Пауза...

И вдруг лейтенант торопливо снял с шеи свой «цейс» и протянул мне.

– Ладно, бери, он у меня трофейный. Жив останусь, другой раздобуду. Может, еще помянешь меня добрым словом.

Лейтенант козырнул и, не оборачиваясь, поскакал по дороге. А я сразу же приложил бинокль к глазам, покрутил колесико наводки на резкость и первое, что увидел – мчавшуюся по дороге от Чертково пароконную повозку. Съехались. В повозке на толстом слое

сена сидели заведующий столовой штаба нашей дивизии, две официантки и ездовой. Лошади – в мыле. Если так гнать по жаре, далеко не уедут.

– Куда гоните?

– Командир дивизии приказал всем отходить на Миллерово.

– А где сам комдив?

– Как только фашисты ворвались в Чертково, он отдал приказ и вместе с комиссаром уехал по этой дороге.

– А знают о приказе в полках?

– Это нам неизвестно.

На дороге появилась комендантская рота, та самая, которую я еще недавно направлял в Горобцы. У ее командира те же сведения: приказано отходить на Миллерово, но дошел ли приказ до командиров полков, он не знал. Оставалось одно – проверить это лично, добравшись во что бы то ни стало до оборонительных рубежей, расположенных западнее Чертково. Попросил командира роты выделить в мое распоряжение полтора десятка бойцов с автоматами, усадил их в кузов и поехал дальше. И вот, объезжая Чертково с юга, встретили, наконец, полковые колонны дивизии, отходившие на юго-восток. Сразу отлегло от сердца, когда узнал, что приказ комдива они получили.

Теперь, когда самый важный вопрос удалось решить, передо мною встала задача – как можно быстрее разыскать штаб дивизии. Наиболее вероятным казалось, что он проследовал в том же направлении, что командир и комиссар. Поэтому, не теряя времени, развернулись и по пыльному большаку понеслись к знакомой дороге. Уже подъезжая к ней, вновь наварались на группу вражеских танков, выползших метрах в трехстах от нас из-за невысокого бугра. Танкисты заметили машину, когда она выскочила на дорогу и набрала скорость. Вслед раздалось несколько пушечных выстрелов, но шлейф густой пыли за полуторкой сыграл роль дымовой завесы, вражеский огонь оказался неприцельным. Однако встреча эта вновь подтвердила опасность положения, в которое мы попали, а главное, не было возможности даже примерно определить, когда и где мы снова встретимся с врагом.

К вечеру подъехали к небольшому поселку. Высланные на разведку бойцы доложили, что противника в нем нет, и я решил расположиться здесь на отдых. Прежде всего, надо было накормить людей. В кармане гимнастерки у меня лежало около ста рублей, на которые удалось купить довольно увесистого кабанчика. После сытного ужина все несколько приободрились, но усталость все же буквально валила с ног. Поэтому, выставив часовых, я приказал остальным отдыхать и сам прилег на любезно предложенную хозяином дома постель. Но поспать удалось совсем немного, вскоре меня разбудил шофер:

– Товарищ старший лейтенант, вас подполковник спрашивает. Вышел из дома и увидел во дворе вроде бы знакомого подполковника. Ну конечно, это инженер нашей дивизии, с которым, правда, до этого мне не приходилось близко общаться. Как бы то ни было, а у меня словно камень с плеч свалился – появился старший по званию и, надо думать, более опытный,

чем я, командир. Уж он-то наверняка разберется в обстановке, примет грамотное решение.

Оказывается, дивизионный инженер был неподалеку от Горобцов, в расположении саперного батальона, когда в хутор неожиданно с севера ворвались немецкие танки. Подполковник посадил бойцов на два ЗИСа и вместе с ними отправился искать штаб дивизии. Выбранный им маршрут удивительным образом совпал с нашим и привел в тот же поселок.

Утром, уже колонной из трех автомашин, двинулись к железнодорожному переезду, но, наученные горьким опытом, ехали предельно осторожно, с остановками для обзора местности. Притормозили на почтительном расстоянии от железной дороги, и через восьмикратный «цейс» я рассмотрел у переезда немецкие танки, автомашины, около них солдат и офицеров.

После некоторого раздумья дивинж сказал:

– Мне было приказано в случае отхода дивизии сдерживать врага установкой мин и огнем саперных подразделений. Мин у нас нет, а бойцы, способные вести огонь, есть. Так что будем по мере сил и возможностей выполнять приказ.

– Товарищ подполковник, но ведь для того, чтобы прикрывать дивизию, надо сначала ее хотя бы догнать или, во всяком случае, знать, где она находится.

– Сейчас к ней не попадем, она где-то за железной дорогой, через которую нам здесь не перебраться. К тому же теперь совершенно ясно, что немцы нанесли удар с севера на Миллерово, и не исключено, что его уже заняли. Если же учесть, что гитлеровцы, как правило, наступают вдоль главных дорог, нам надо двигаться между ними, а при каждом удобном случае, особенно в темное время, атаковать врага, ведь у нас около восьмидесяти бойцов, а это при грамотных действиях немалая сила. Более реальной помощи мы пока оказать дивизии не можем.

Изменив маршрут, мы направились на северо-восток, по существу сближаясь с противником, но с расчетом не попасть в окружение, оказаться у него на фланге. Моя машина шла впереди, за ней ЗИСы. Проехали через несколько населенных пунктов, в которых не было ни наших, ни немецких войск. Вот впереди показалось еще одно село, широко раскинувшееся вдоль живописной долины небольшой речки. Напоенные живительной влагой, ярко зеленела трава, листья деревьев и кустарников. Поселок выглядел оазисом на общем серо-желтом фоне, манил к себе давно забытыми покоем и уютом.

Заехали на окраину села, замаскировали автомашины под кронами деревьев. Я начал в бинокль просматривать длинную, километра на два, улицу и увидел на другом ее конце небольшие группы советских воинов, отдохавших в тени. Собрался было уже опустить бинокль, но тут внимание привлёк пыльный шлейф у горизонта. Вгляделся внимательнее и увидел, что к восточной, низинной, части села подходили танки. До них еще три – три с половиной километра, и было трудно определить, чьи они. Хорошо, если бы наши!

Пришлось продолжить наблюдение. Вот от танков отделился мотоциклист и направился в сторону

отдыхавших военных. Остановился неподалеку от одной из групп, присмотрелся и вдруг как-то очень ловко, почти прыжком, развернул мотоцикл и помчался обратно. Отдыхавшие вскочили, схватились за оружие, открыли стрельбу, но было поздно – мотоциклист добрался до танков, и спустя две-три минуты они, набирая скорость, двинулись к селу, открыв с ходу огонь. Теперь ясно: немцы!

У нас осталась единственная дорога к отступлению – на запад. Поехали по ней в том же порядке, что и раньше. Поднялись на бугор и увидели, что нам навстречу движется колонна больших, крытых брезентом немецких автомашин. Они совсем уже недалеко. Почти не задумываясь, кричу водителю:

– Налево через кювет – и вниз к реке!

Водитель тоже настороже. Рывок в сторону, удар днищем о край кювета, и мотор газика заглох. Надсадно урча моторами, ЗИСы переползли через кювет, остановились.

Из кабины передней трехтонки выглянул подполковник:

– Чем помочь?

Машу ему рукой:

– Скорее вперед, иначе все пропадем! Сами справимся!

Тем временем наш водитель пулей вылетел из кабины с заводной ручкой. И в общем-то очень капризный мотор завелся на этот раз, как говорят, с полоборота. Бойцы подхватили машину, вытолкнули из кювета и вскочили в кузов. Полторка рванулась вперед по целине. Гремела уже наполовину пустая бочка с бензином, било, мотало во все стороны бойцов, но никто не обращал на это внимания. Надо было оторваться от врага.

Только километра через три мы догнали подождавших нас саперов. Подполковник сказал:

– Ну, Сергеев, первую часть нашего плана мы выполнили – хотя и не по своей воле, но вошли в соприкосновение с немцами. Теперь надо выполнять вторую часть – бить врага. И еще: учитывая, что здесь, куда ни ткнешь, везде противник, можно полагать, что его передовые группы продвинулись далеко. Поэтому предлагаю следовать не на Миллерово, а на Морозовск.

Теперь передвигались мы по возможности в темное время суток, избегая сколько-нибудь наезженных дорог. Скорость, конечно, сильно упала, но удалось в значительной мере обезопасить себя от разбойничавших в воздухе вражеских самолетов. А следы их деятельности – разбитые, обгоревшие автомашины, повозки – встречались на пути довольно часто. Впрочем, совсем избежать удара с воздуха все же не удалось и нам.

В одну из ночей, выполняя вторую часть плана, мы организовали засаду у грейдерной дороги и, пропустив большую колонну противника, обстреляли и атаковали следовавшую за ней группу солдат и офицеров. Дружные автоматные очереди ввергли врага в замешательство, фашисты бросились врассыпную, теряя убитых и раненых. Над ушедшей вперед колонной в небо взлетели осветительные ракеты, с минуты на минуту можно было ждать ее возвращения, но мы,

прихватив с собой двух пленных и различные документы, какие успели быстро собрать, вернулись к своим машинам и, не включая фар, уехали по заранее намеченному маршруту.

Операция оказалась удачной. Хотя в темноте и спешке не удалось подсчитать потери врага, но немало гитлеровцев нашли здесь могилу или выбыли из строя, в то время как никто из наших бойцов не пострадал. Вот что значит внезапность и решительность в бою! Да и следовавшая впереди атакующей колонна, судя по продолжавшемуся пуску осветительных ракет, а затем и по донесшейся издалека беспорядочной запоздалой стрельбе, вернулась к месту недавнего боя. Значит, теперь она задержится в пути, не прибудет к месту назначения в установленный срок, спутает в какой-то мере планы своего командования. И еще радовало, что бойцы наши сразу приободрились, даже повеселели – из кузова долго доносились их возбужденные голоса, обрывки фраз: «Тут я ему и врезал...», «Фрицы как драпанут. Но я их из автомата достал...», «Кричу ему “Хендехох!”», а он мне, как отзыв: “Гитлер капут!”...». Словом, удача окрылила людей.

А вот добраться затемно до мало-мальски надежного укрытия не успели – рассвет застал нас среди степи, и не только рассвет, но и «мессершмитт», пролетевший на малой высоте прямо над головами. Может быть, не заметил? Нет, «мессер» с разворотом набрал высоту и стал заходить для атаки. На одиночной машине можно было бы попытаться выйти из-под огня, маневрируя по направлению и меняя скорость. Здесь же пришлось, остановив полуторку на дороге, а ЗИСы по сторонам от нее, чтобы избежать поражения всех их одной очередью, самим рассыпаться по полю.

Неожиданно возникла проблема морального плана: что делать с пленными немцами? Так и хотелось оставить их связанными в кузове, чтобы посмотрели в лицо смерти, которую готовился сеять их же, немецкий, истребитель. Но что-то не позволило это сделать. Подполковник приказал бойцам прихватить пленных с собой и оттащить подальше в степь. Нет, при всей ненависти к оккупантам не мог советский человек, воин, учинить расправу над безоружным, потерявшим способность сопротивляться противником. Не знаю, поняли ли это сами пленные, но хотелось бы верить, что поняли и, быть может, даже честно рассказали потом обо всем этом своим соотечественникам.

А «мессершмитт» с пологого пикирования резанул по автомашинам длинной пушечно-пулеметной очередью и, не возобновляя атаки, скрылся за горизонтом.

– Наверное, полетел досыпать – ишь, в какую рань его, мерзавца, принесло, – сказал, облегченно вздохнув, подполковник, когда, убедившись, что опасность миновала, мы собрались у своего транспорта.

Что нам повезло, так это точно: лишь кузов одного из ЗИСов оказался прошитым очередью по диагонали, но ни пули, ни снаряды не повредили ходовой части, и можно было без задержки трогаться в дальнейший путь.

В тот день мы выскочили, наконец, из

«мышеловки», влились в поток наших войск, отходивших к переправе через Дон у станицы Нижне-Чирская. По мере приближения к Дону дорога становилась все более забитой стекавшимися к ней с разных сторон людьми и техникой, все труднее становилось продвигаться вперед. Не доезжая до переправы, вышли из автомашин, прислушались к разговорам. В основном речь шла о тяжелых оборонительных боях, серьезных потерях, трудных дорогах. Подполковник приказал мне остаться у машин, а сам, помахивая планшеткой, пошел к переправе. Вернулся он довольно скоро в сопровождении коменданта переправы и нескольких автоматчиков. Не знаю, зачем коменданту так уж понадобились «языки», но у него явно поднялось настроение, когда он убедился, что в кузове одной из автомашин действительно сидели два пленных немца, а в придачу к ним у нас имелась целая сумка трофейных документов.

– Ведь это надо какие молодцы! – возбужденно говорил комендант. – Сколько тысяч бойцов мы уже переправили, а никто до вас не преподнес такого подарка. Едем вместе – я вас без очереди переброшу на тот берег.

Так все и получилось. Мы передали коменданту под расписку пленных, добытые в бою документы, а он пожелал удачи в поисках нашего соединения, и мы расстались с ним, довольные друг другом.

Через двое суток разыскали штаб 199-й стрелковой дивизии и некоторые ее подразделения, разместившиеся в городе Фролово, что в 150 километрах северо-западнее Сталинграда. Здесь же были командир и комиссар дивизии. К сожалению, полк под командованием Петра Сироткина переправился через Дон где-то гораздо южнее нас и был включен в состав другой не только дивизии, но и армии.

Сразу же по прибытии во Фролово, 22 июля, я отправил письмо жене: «Прости за долгое молчание, но на этот раз обстановка сложилась так, что не только писать было некогда, но и отправить письмо не представлялось никакой возможности. Почти 20 дней провел в дороге, изрядно вымотался, хотя почти не вылезал из автомобиля. Зато сейчас условия резко изменились – я нахожусь почти в полной безопасности...»

Где-то в первых числах августа дивизии в том составе, который сгруппировался вокруг ее штаба, нарезали участок обороны западнее Фролово на левом берегу Дона. Вместе с другими командирами съездил туда на рекогносцировку и я. Осмотрели песчаные, поросшие лозняком дюны, а пока прикидывали, как оборудовать на выделенном участке оборонительные позиции, пришел приказ о расформировании дивизии с передачей личного состава в распоряжение 62-й армии.

Я получил направление в разведотделштаба 1-й танковой армии, создававшийся в Калаче-на-Дону на базе штаба 38-й армии. Командующим армией был назначен генерал К.С. Москаленко. Я был доволен. Сбылось мое желание служить в разведке. Затратив на сборы каких-нибудь несколько минут, я без промедления убыл на попутной автомашине в Калач.

В штабе армии выяснилось, что начальник

разведотдела армии подполковник Зайцев, к которому мне надлежало явиться, уехал на передовую. Поэтому, чтобы скоротать время, я вышел в раскинувшийся рядом яблоневый сад, бросил под одно из деревьев свое немудрящее имущество – шинель и тощей вещевой мешок – и прилег в тени на траву. Недалеко, тоже под яблоней, отдыхали два командира. Вид у них был значительно приличнее, чем у меня, и я сразу решил, что это сотрудники разведотдела армии. Они оживленно беседовали и, казалось, не обращали на меня никакого внимания. Лицо одного из них показалось мне знакомым. Добротная пилотка сдвинута на бок. Лейтенант был молод и безусловно красив – такие лица не часто встречаются. Без особого труда вспомнил: да ведь это Григорий Зильбер, преподаватель из Львовского университета!

...В январе 1941 года делегация преподавателей и студентов МГУ, в которую включили и меня как молодого ассистента, впервые посетила Львовский университет. Из прикрепленных к нашей группе товарищей мне особенно запомнился преподаватель географии Григорий Абрамович Зильбер, незадолго до нас приехавший в Львовский университет из Харькова. И вот где теперь довелось встретиться снова! Увидев Гришу Зильбера, я страшно обрадовался. Ведь прошло всего полтора года, как мы с ним встречались во Львове.

Только было хотел его окликнуть, как началась бомбежка. Думал, что эти командиры здесь – свои, собрался следовать за ними в ближайшее убежище. Но они остались на месте, только плотнее прижались к земле. То же самое пришлось сделать и мне. Хорошо, что враг бомбил не прицельно, по площади, и лишь одна бомба разорвалась неподалеку, припорошив нас густой пылью. Когда затих гул самолетов, я представился несколько иначе, чем собирался раньше:

– Какого черта не отрыли щели? Мало вас война учила?

Думал, что Зильбер растеряется от неожиданности или хотя бы удивится, а он и глазом не моргнул.

Оказывается, Григорий тоже меня узнал еще до бомбежки и даже успел, пока длился налет, рассказать обо мне кое-что своему товарищу.

– Ну вы только посмотрите на него. Щель понадобилась, когда в саду такой чудесный аромат. Да и вообще какой-то невоспитанный: пришел, а вместо того, чтобы, как положено, поздороваться с хозяевами дома, начал ругаться. Здорово, Сергеев! Женя? Как же, помню. С прибытием в первую танковую! Я здесь – старший переводчик разведотдела. А ты кем будешь?

Все это было высказано в шуточной, приятельской форме и в то же время с нескрываемым удовлетворением от неожиданной встречи. Какая это радость: прибыть к новому месту службы и увидеть здесь знакомого хорошего человека!

Г.А. Зильбер впоследствии стал одним из самых близких моих друзей. С ним долго были рядом на фронте, при любой возможности встречались и после войны. Приезжая в Москву из Львова (он стал доцентом географического факультета университета), Григорий всегда останавливался у меня дома, вызывал своим неизменным мягким юмором оживление у окружающих его людей, заряжал их бодростью и оптимизмом.

Помнится, мы гуляли с ним вокруг университета в 1970 году, обсуждали предстоящую ему операцию, которая выглядела заурядной, но оказалась роковой...

Начальник разведотдела подполковник Зайцев, которого я ждал, приехал поздно вечером. Решать ничего не пришлось, ибо был уже получен приказ – ему и всем его сотрудникам штаба 1-й танковой армии утром выехать в Сталинград.

– Все определим на новом месте, – заметил после короткой беседы подполковник, человек энергичный, решительный в суждениях, почти не выпускавший из руки прямую «капитанскую» курительную трубку. – А пока держитесь Зильбера, он хорошо разбирается во всех наших проблемах. ☺

Журнал «Инженерные изыскания» – лучшая площадка для вашей рекламы!

www.geomark.ru